

А
П. И. Мельников-Печерский

"Гроза"

Драма в пяти действиях А. Н. Островского ("Библиотека для чтения". 1860 г. No 1)

Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике

Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Сухих И. Н.-- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.-- 336 с.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В NoNo 7-м и 9-м "Современника" за прошлый год помещен был замечательный во многих отношениях разбор "сочинений А. Н. Островского", в котором остроумный рецензент, г. Н. --бов, среду, представляемую нашим даровитым драматургом, весьма удачно назвал *темным царством*. Да, действительно, быт купеческий, быт мещанский, вообще быт тех людей, которых один безобразный суздальский дворянчик, с высоты величия и в справедливой гордости доблестными предками (которых, как гласит история, во время оно суздальские князья подчас бивали батогами, а подчас и "шелепами смиряли"¹) грамматически окрестил названием "людей среднего рода" -- быт этих людей, где семейные и общественные отношения до крайности ложны -- есть "темное царство". Это не то фантастическое темное царство, в котором, по свидетельству народных сказок, царствует Кашей Бессмертный, а действительно существующее, более или менее знакомое всем, присущее нам "темное царство", в котором самодуры-родители, самодуры-мужья, самодуры-хозяева порядки держат, как медведь в лесу дуги гнет: гнут не парят, переломят -- не тужат. Они владеют забитою, обезличенною, безответною молодежью, на основании свода патриархально-семейных законов, сложившихся на Руси под темным влиянием Сарая и Византии² и собранных вкупе еще в XVI столетии знаменитым благовещенским попом Сильвестром,³ игравшим некоторое время столь важную роль при дворе Ивана Грозного. Этот свод патриархального самодурства известен под названием "Домостроя". {"Домострой" напечатан во Временнике Императорского московского общества истории и древностей. 1849. Кн. I.⁴} Конечно, самодурствующие, на точном его основании, все эти Большовы, Русаковы, Торцовы⁵ и другие герои темного царства, представленные г. Островским, ни в рукописях (довольно редких), ни в печати не читали "Домостроя", еще только за одиннадцать лет пред сим извлеченного из мрака архивного, но каждое правило сильвестрова устава, каждое слово его, помимо "Домостроя" прямо от сарайско-византийского влияния вошло в плоть и кровь самодуров XIV и XV столетий и с тех пор, как некое священное и неприкосновенное предание, устно передается из поколения в поколение и благоговейно хранится в наглухо закупоренных святилищах семейной жизни "среднего рода людей". Безответные личности, все эти угнетаемые семейным деспотизмом Мити, Авдотьи Максимовны, Брусковы⁶ и пр. и пр. не только страдают, но в страдании своем поучаются самодурству, проходят его школу для того, чтобы со временем, когда сойдет в глубокие холодные могилы дурящее над ними поколение, когда настанет им самим пора принять бразды самодурного правления и сделаться владыками темного царства, умели бы самодурничать над другими, младшими поколениями, умели бы гнуть в дугу жен, детей, племянников, приказчиков, как их самих прежде гнули их родители, старшие свойственники и хозяева. Все поколения, которым суждено провести жизнь в области "темного царства", смолоду терпят, а под старость страданиями других вымещают прежние собственные свои страдания. В "Свои люди -- сочтемся" г. Островский представляет нам целые три поколения самодуров: Вольтова сменяет Подхалюзин, а в Тишке уж подготавливается достойный преемник Подхалюзина. И переходит из рода в род, из века в век темное наследие, доставшееся нам от Сарая и Византии, вот уж более шестисот лет переходит. И передаются из поколения в поколение домостройные предания невежества, и благоденствует окрепшее на русской почве самодурство, путем побоев и ругательств передающее грядущим поколениям неприкосновенные, нерушимые уставы "Домостроя".

Но неужели это, хотя и вековое, но все-таки чуждое народу и не на всю же его массу распространенное самодурство, с такою фотографическою верностью изображаемое г. Островским,-- бессмертно, неужели "темному царству" не будет конца? Ведь и у Кашея Бессмертного была же смерть. "Стоит в поле дуб,-- сказывал он матери Ивана Царевича, заключенной им в свое фантастическое темное

А